

В грохоте ударов металла о камень Вэньхао внезапно услышал, как Сун Шаоянь произнес мягким, но тяжелым голосом: Вэньхао, после этого возвращения я покину «Летающих тигров» и перейду на работу в Китайский корпус воздушных перевозок. Если положение экспедиционных сил не улучшится, мы попытаемся открыть воздушный коридор, чтобы заменить нынешнюю Бирманскую дорогу. Бирманская дорога — это путь, соединяющий Куньмин в провинции Юньнань с Янгоном в Бирме. После падения Гуанчжоу она стала единственной артерией, по которой Китай получал международную помощь для сопротивления.

Вэньхао молчал. В последнее время даже кофе в лавке Салливана подорожал в несколько раз. Очевидно, что с транспортными путями возникли проблемы. Даже если власти хранили молчание, опасаясь паники среди народа, догадаться было нетрудно.

— Если вся территория Бирмы будет занята японцами, нашим самолетам придется вылетать из Индии и преодолевать Гималаи, чтобы добраться до Китая. Я не хочу скрывать от тебя правду: это будет крайне сложный маршрут. Никто не может быть уверен в благополучном исходе, включая меня.

Вэньхао продолжал хранить молчание. В уме он лихорадочно подсчитывал потолок высоты самолетов типа DC-3 и C-47. Двадцать три тысячи футов — в метрической системе это около шести тысяч девятисот метров. Но это лишь теоретический предел; при полной загрузке самолет реально мог подняться лишь на четыре-пять тысяч метров. А средняя высота Гималаев намного превышала шесть тысяч метров.

Разумеется, Сун Шаоянь тоже это понимал: Мы сможем лететь только между горными пиками. Любой пилот с приличными навыками справится с этим, но воздушные потоки над горами крайне сложны, и никто не знает, что там происходит на самом деле, поэтому...

Вэньхао опустил голову и по-прежнему не произносил ни слова. Сун Шаоянь решил, что он рассердился.

— Я тебя напугал?

Вэньхао был вынужден ответить: Я просто жалею о том, что председатель Лун построил Бирманскую дорогу всего за десять месяцев, причем строили ее в основном женщины и дети, используя лишь бамбуковые корзины, коромысла и ручные тележки.

Сун Шаоянь утешил его: Как бы то ни было, мы все будем стараться изо всех сил.

— Слышал, жители Куньмина дали вам прозвище «Летающие тигры»? — Вэньхао собрался с духом и притворился, что говорит легко. Давай сменим тему, подумал он, редко удастся встретиться, зачем же постоянно общаться в такой гнетущей атмосфере? — Они приняли нарисованных на самолетах акул за тигров. Должно быть, вы нарисовали их не слишком похоже.

— Это разница между восточной и западной культурами.

Они оба старались больше не касаться прежней темы. В ту же ночь Сун Шаоянь уехал. Они давно предвидели такой исход: едва успев поздороваться, уже нужно говорить друг другу слова прощания. Кто знает, через сколько лет они смогут встретиться снова. Но даже так, эти тяжелые дни приходилось проживать день за днем.

Прошло несколько месяцев, зима сменилась весной, а новости об американском авиаотряде почему-то становились все скуднее. В эти тревожные дни для Вэньхао одна за другой посыпались дурные вести с юго-запада, заставившие его потерять покой.

После официального начала войны на Тихоокеанском театре японцы с молниеносной скоростью захватили ключевой южный оплот — Сингапур, — и начали стягивать крупные силы для операции в Бирме, взяв в марте столицу, Янгон. Китайские экспедиционные войска и британская армия не смогли наладить взаимодействие, а у наших бойцов не было опыта сражений в джунглях, тогда как их противником была японская восемнадцатая дивизия, прозванная «дивизией джунглей». За исключением ранних сражений на равнинах, где удалось добиться преимущества и побед, таких как оборона Тунгу, в дальнейшем национально-революционная армия постоянно находилась в оборонительном положении.

В конечном итоге экспедиционным силам пришлось отступить. Новая 38-я дивизия ушла на запад, укрывшись в Индии, а 200-я дивизия из-за ошибки в выборе маршрута заблудилась в горах Ежэньшань на границе Китая и Бирмы. Даже тяжелораненый командир дивизии, генерал Дай Аньлань, героически погиб, не имея доступа к лечению и медикаментам. Когда американские патрульные самолеты обнаружили их и вывели из горного района, более половины солдат уже были мертвы. Словом, великое отступление обернулось великим разгромом.

Японцы, развивая успех, действовали неотвратимо и даже прорвались на территорию Юньнани, поставив и без того бедствующий Китай перед угрозой ударов с двух сторон. А проект «Горбатой трассы» провалился при первой же пробной попытке в конце прошлого года. Американский ас Фокс, пилотировавший С-47, вылетел из Индии и менее чем через два часа врезался в горную вершину, героически погибнув.

Но Бирманская дорога была окончательно перерезана. Если не решить транспортную проблему как можно скорее, возникнут перебои со снабжением сражающихся на фронте воинов, а народ в тылу охватит паника. Поэтому проект «Горбатой трассы», разработанный совместно Китаем, США и Великобританией, несмотря на понимание того, что это будет путь смерти, был безотлагательно принят к исполнению.

В начале апреля Сун Шаоянь вернулся в Чунцин. Было решено, что во втором испытательном полете в конце месяца он станет основным пилотом.

— Это новый маршрут, — авиационный директор Китайской авиационной компании объяснял детали собравшимся чиновникам. — Вылет из аэропорта Тинцзян в Индии, курс на север до Думдумы, где есть навигационная станция. Затем поворот на девяносто восемь градусов до Путао, далее на восток через границу Тибета, мимо гор Хэндуань и гор Ляншань, и наконец — прибытие в Юньнань. В качестве ориентиров на пути послужат снежная гора Юйлун и озеро

Чэнхай.

После доклада все присутствующие выглядели мрачно: они знали, что означает полет через Гималаи.

— А южный маршрут возможен? — спросил кто-то.

Южный маршрут предполагал вылет из Тинцзяна, полет под углом сто сорок три градуса через Хэча, Юньлун и Сягуань вплоть до Куньмина. Там климатические условия были гораздо лучше, ориентиры — отчетливее, а дальность полета — короче. Авиационный директор пожал плечами: Думаю, это зависит от обстановки в Бирме. Ведь южный путь должен был пролегать через территорию Бирмы, что значительно повышало риск перехвата японской авиацией.

Тогда кто-то задал еще один ключевой вопрос: Какова стоимость, просчитывали ли вы её?

— На доставку одного галлона бензина расходуется примерно два галлона.

По залу пронесся дружный вздох. Сун Шаоянь, сидевший в последнем ряду, едва заметно усмехнулся и встал, направляясь к выходу. Он знал: как бы чиновники ни колебались, в итоге они все равно согласятся, ведь другого выбора нет. Пользуясь свободным временем, нужно было немедленно съездить домой, повидаться с Вэньхао...

— Привет, красавчик Сун, — окликнул его в коридоре высокий иностранец с каштановыми волосами. — Давно не виделись.

Сун Шаоянь отдал честь и с улыбкой пожал ему руку: Клэр, как дела?

Этим иностранцем был военный советник, которого он ранее рекомендовал правительству — ветеран Первой мировой войны Клэр Ли Шеннолт. Теперь он был командиром «Летающих тигров».

— Благодаря тебе у меня все отлично, я даже познакомился с очаровательной китайской невестой.

— Похоже, мой обман, заставивший тебя приехать на работу в Китай, принес немалую пользу.

— Ха-ха, не будем об этом. Идем скорее, познакомлю тебя с напарником.

Иностранец завел его в небольшую комнату неподалеку. Там за столом сидел крепкий молодой человек, который вертел в руках разные вещи и жевал жвачку.

— Этого парня зовут Миг, он инструктор в Куньминском авиационном училище. В этом испытательном полете он будет твоим вторым пилотом.

Миг небрежно отдал честь. Он был типичным американским солдатом: свободным и беспечным, но обладал невероятной отвагой и талантом сглаживать любые противоречия своей беззаботной улыбкой.

— Радист придет позже, он тоже китаец.

Не успел он договорить, как раздался стук в дверь, и на пороге появился молодой китайский офицер: Радист шестого борта Китайской авиационной компании прибыл по назначению.

По знаку Клэра радист вошел в комнату.

— Сун, это майор Лу Вэньхао, — представил он радиста. — А это майор Сун Шаоянь, наш лучший пилот, — добавил он, представляя Сун Вэньхао.

Сун Шаоянь в замешательстве смотрел на Вэньхао в американской военной форме, долго не в силах вымолвить ни слова. Когда он осознал происходящее, то не выдержал и воскликнул: Что это значит? Если мне не изменяет память, господин Лу служит в сухопутных войсках!

— Так вы знакомы? — Клэр улыбнулся. — Верно. Майор Лу ранее занимался передачей разведывательных данных в полевых условиях, поэтому отлично разбирается в дальней радиосвязи. К тому же майор Лу прошел трехмесячный курс подготовки десантников.

Сун Шаоянь и представить себе не мог подобного развития событий. Он переводил взгляд с Клэра на Лу Вэньхао и лишь спустя долгое время медленно кивнул: Понятно. Майор Лу, надеюсь, мы... сработаемся. — процедил он сквозь зубы.

Вэньхао же отвернулся, делая вид, что они едва знакомы.

— Ты же ушел в отставку? — ночью, вернувшись домой, Сун Шаоянь с тревогой и гневом допрашивал Вэньхао.

— Я убедил мать и снова поступил на службу, — Вэньхао намеренно исказил смысл его вопроса.

— Я не это имел в виду! Как... как ты мог согласиться стать радистом?!

— Работу радиста можно выполнять, даже имея поврежденную руку, — продолжал упрямиться Вэньхао.

— Ты хоть понимаешь, насколько опасен этот полет?! — Сун Шаоянь был в ярости.

— Понимаю. Именно поэтому я должен лететь с тобой, — спокойно сказал Вэньхао с непреклонной решимостью. — Я не хочу, чтобы наша встреча в аэропорту стала последней.

— Ты... — у Сун Шаояня не нашлось слов.

Он смотрел на невозмутимое лицо Вэньхао и не удержался, взяв его лицо в ладони и нежно погладив: Вэньхао, ты хоть понимаешь, как сильно, как бесконечно сильно я люблю тебя?

— ...понимаю. — Его собственные чувства были ничуть не слабее.

С тех пор как в конце прошлого года Сун Шаоянь уехал, он часто сидел в своей комнате, погруженный в пустоту. Порой его внезапно охватывала такая тоска, словно предчувствие неминуемой разлуки пронзало сердце, причиняя невыносимую боль. Страх, который он так долго скрывал, переполнил его, мечась внутри и не находя выхода. В конце концов он понял: только будучи рядом с Сун Шаоянем — жить вместе или умереть вместе — он сможет успокоить свою разрывающуюся на части душу. Свои дела он давно доверил старому другу Ли Юньтуну, а мать молчанием выразила поддержку его решению.

Проведя с Лу Вэньхао так много времени, Сун Шаоянь считал, что изучил его достаточно хорошо. Он знал, что Вэньхао, хотя и не был упрямым по натуре, обладал в глубине души тем самым сычуаньским «жестким» характером: если уж он что-то решил, то его не сдвинуть с места даже девятью волами. И все же, понимая это, он не удержался от попытки убедить его: Возможно, мы оба сгинем в небытии...

Вэньхао улыбнулся: Иногда причина жить важнее, чем сама жизнь. Разве командир не учил нас, что нужно вместе разделить беду страны? Если мы уберем это слово «вместе», как наше великое дело сопротивления Японии сможет прийти к победе?

— Перестань пугать меня этими возвышенными доводами, — Сун Шаоянь, не зная, плакать или смеяться, крепко взъерошил его волосы. — Сегодня вечером я обязательно накажу тебя за то, что ты своевольно принял решение, не посоветовавшись со мной!

Вэньхао позволил ему трепать свои короткие волосы, не сопротивляясь, а лишь опустил голову и тихо улыбнулся. Раз уж Сун Шаоянь больше не возражает, то что значат какие-то «наказания»?

Поскольку запуск «Горбатой трассы» не терпел отлагательств, правительство одобрило проект в тот же вечер. После короткого отдыха, на следующее утро, они отправились в путь на автобусе в сторону Юньнани. Вэньхао еще никогда не испытывал подобной тряски, даже во время давних марш-бросков. Особенно когда они проезжали знаменитый «Двадцать четыре поворота» на дороге Юньнань-Гуйчжоу, желудок буквально сводило от тошноты.

Сун Шаояню было не легче. Раньше они летали из куньминского аэропорта Уцзяба в чунцинский аэропорт Байшии, а теперь приходилось ехать на машине из-за дефицита топлива. Вдоль дороги то там, то здесь виднелись американские военные из 1880-го инженерного батальона: они обследовали местность, готовясь укрепить подпорные стены на «Двадцати четырех поворотах». Многие местные жители из горных районов Гуйчжоу добровольно приходили на помощь.

Автомобиль медленно двигался вперед, как вдруг в небе раздался гул самолетов.

— Ой, японцы опять летят бомбить дорогу! — водитель в спешке бросил машину и скрылся, увлекая Вэньхао и остальных в придорожное бомбоубежище. Солдаты организовывали местных жителей, направляя их в пещеры. Это было узкое горлышко между Юньнанью и Гуйчжоу, важнейший путь снабжения фронта и Чунцина, поэтому бомбежки здесь были делом обыденным, и даже водители наловчились реагировать с невероятной скоростью.

Только они успели добежать до входа в пещеру, как раздался оглушительный взрыв. Огромное облако пыли поднялось в воздух, вход в убежище оказался завален.

— Скорее, все вглубь! — Сун Шаоянь потянул Вэньхао за собой.

В этот момент Вэньхао услышал за спиной возглас на английском: Малыш, почему ты бежишь с одной рукой?

Затем последовал пронзительный крик маленького мальчика. Обернувшись, Вэньхао увидел, как ребенок падает в обморок прямо на землю. В руке у мальчика была зажата оторванная взрослая рука, а ее хозяин лежал неподалеку у обрушившегося входа — головы у тела уже не было. Вэньхао и Сун Шаоянь в ужасе переглянулись, не в силах произнести ни слова.

Машину уничтожило взрывом, и им пришлось идти пешком, пока они не нашли другой транспорт, чтобы продолжить путь на запад. Их и без того тяжелое настроение после увиденного окончательно померкло, и теперь даже притворяться спокойными было невозможно.

После уезда Пуань местность наконец стала более ровной. На террасных полях зеленели ростки пшеницы, а между ними аккуратными рядами были высажены бобы с набухшими плодами. На других полях расстиралось сплошное желтое море рапса, сверкающее на солнце. Белые бабочки парами порхали над цветами.

Вэньхао, чье сердце было сковано печалью, невольно улыбнулся, глядя на это чудо природы. Ему хотелось броситься в море цветов и тихо спросить у бабочек: почему вы такие счастливые? И правда ли ваши предки — это Лян Шаньбо и Чжу Интай, которым не суждено было быть вместе в мире людей? Несколько крестьян трудились в поле, а девочки с косичками, похожими на бычьи рога, с корзинами и серпами в руках собирали на межах дикий лук и пастушью сумку.

— Земля — это самое ценное, — Сун Шаоянь думал о том же. — Народ — это богатство. Иначе почему столько стран, которым не хватает своего, просто грабят других?

Вэньхао прикрыл рот рукой, чтобы не всхлипнуть. Как военному, ему не подобала такая сентиментальность, но разве кто-то из потомков Янь-ди и Хуан-ди мог остаться равнодушным в такую минуту? Сун Шаоянь крепко сжал его свободную руку, не обращая внимания на то, что кольцо впивается бриллиантом в ладонь до боли... Когда же глупое человечество наконец поймет, что прощение — куда более великая сила, чем убийство?

Прибыв в Куньмин, они не стали отдыхать и сразу же погрузились в подготовку к пробному полету. Поступили сообщения об отступлении экспедиционных сил, Бирманская дорога и южный участок железной дороги Китай-Индия пали, времени на промедление больше не оставалось.

Все было готово, пробный вылет назначили на первое мая. Ранним утром Вэньхао вышел из номера в американской гостинице. Куньминское небо в утреннем свете было чистым, как лазурь, — идеальная погода для полета. У ворот он увидел Сун Шаояня и Мига, которые бодро сидели в джипе, готовые к отправлению. Глядя на их спокойствие, Вэньхао, до этого момента испытывавший тревогу, почувствовал облегчение.

На рассвете над аэродромом Уцзяба развевался государственный флаг, словно провожая их в путь. Попрощавшись с коллегами, они поднялись в воздух. Внизу куньминские кварталы становились все меньше, а прекрасное озеро Дяньчи напоминало огромный кусок нефрита, оправленный в равнину.

Вэньхао сидел в кабине позади пилотов, глядя на уменьшающуюся землю, и вдруг почувствовал, что все это — как сон: в этот самый момент он действительно летит в небе на высоте нескольких тысяч футов вместе с Сун Шаоянем, как верный боевой товарищ... При этой мысли он невольно напрягся.

— Боишься? — тихо спросил его Сун Шаоянь на китайском.

Вэньхао кивнул: Боюсь. — Затем покачал головой: Я боюсь разлуки, а не смерти.

Миг не выдержал и запротестовал: Эй, вы не могли бы не говорить на языке, которого я не понимаю? Сейчас время выполнения серьезного военного задания, поэтому он ненавидел чувствовать себя лишним. Хотя, если бы он узнал об отношениях этих двоих, он бы, наверное, подпрыгнул от изумления, даже находясь на такой высоте.

На высоте десяти тысяч футов Вэньхао и Сун Шаоянь, переглянувшись, улыбнулись. Время шло, солнце поднималось все выше, земля под ними пробуждалась, и впереди показались суровые пики гор Хэндуань. Бесконечные горные хребты напоминали бушующие волны океана. Становилось все холоднее, словно они вернулись в разгар зимы, и в то же время слепящий солнечный свет проникал в кабину.

К счастью, перед вылетом они хорошо подготовились. Каждый достал одеяло и укутался. Вэньхао выглянул в окно и не сдержал восхищенного возгласа: Как красиво! Это было одно из самых пустынных мест в мире, но его красота поражала настолько, что захватывало дух. Сияющие на солнце ледяные пики, тропические джунгли у подножия гор, нежная зелень среди ослепительной белизны, сплетения рек и похожие на жемчужины озера, водопады, низвергающиеся с высоты в три тысячи футов, и отвесные скалы...

Вэньхао засмотрелся и не заметил, как самолет продолжал набор высоты, входя в зону плотных кучевых облаков. Вэньхао начал ощущать нехватку кислорода, зрение стало расплываться, а на стеклах начал оседать иней. Сун Шаоянь попытался распылить спирт на обледеневшее лобовое стекло, но эффект был невелик.

— Винты и двигатель пока не обледенели.

<http://bllate.org/book/21143/2144174>